

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ТРАВМЫ

Травматизм, повторение, расщепление и противопоказания к стандартному лечению

Дени Рибас

(Пер. с фр.: К. А. Барке, Н. А. Красавина)

Дени Рибас – психиатр и психоаналитик, титулярный член Парижского психоаналитического общества, экс-президент Парижского психоаналитического общества.

Травма привела к построению второй топика и теории влечений, которая сопровождала ее, вводя дуализм между влечением к жизни и влечением к смерти. Влечение к смерти успешно участвует в катексисе объекта, благодаря антинарциссизму, смене объекта сублимации и трауру. Аналогично принуждение к повторению придает временную основу сознанию, примитивную непрерывность бытия аутистическим стереотипам и обеспечивает подлинность переноса в классическом анализе. Обсуждается обращение к мазохизму – фактору, который тем не менее благоприятствует слиянию. Повторение травмы, бессознательное чувство вины и прежде всего расщепление также становятся серьезными препятствиями для эффективности психоанализа. Опираясь на работу Рашель Розенблюм о жизненной опасности говорить или писать о травме, автор рассматривает в статье два клинических случая Сидни Стюарта, чтобы выявить факторы, которые противодействуют классическому анализу.

Ключевые слова: травма, влечение к смерти, принуждение к повторению, расщепление, противопоказания к психоанализу, катастрофа.

«Можно повторять по-другому».
Д. Брауншвейг

Вторая топика и вторая теория влечений отчасти порождены травмой: повторяющиеся кошмары военного невроза оттесняют удовлетворение желаний как единственную движущую силу сновидений. Становится необходимым заглянуть «по ту сторону принципа удовольствия». Война также убедила Фрейда в способности цивилизованного мира к саморазрушению. Влечение к смерти – это не просто неограниченная агрессия. Фрейд пошел дальше, предположив, что оно действует внутри человека и внутри живых существ, возвращая их к неодоушевленному. Однако Фрейд с сомнением воспринял статью Сабины Шпильрейн «Деструкция как причина становления». Хотя она была первой, кто показал связанный характер влечений: уничтожение как единицы каждой из гамет необходимо для развития нового живого существа, а значит, и для выживания вида, – именно Фрейд осмыслил другую сторону: развязывание также возможно. Как спустя сто лет после «По ту сторону принципа удовольствия» психоанализ рассматривает травму? Вначале я остановлюсь на некоторых элементах моей работы об «Опасных развязываниях» (2017) и степени психической свободы, которую обеспечивает взаимодействие процессов развязывания и повторного связывания на службе жизни. Затем я попытаюсь обрисовать последствия с точки зрения противопоказаний к психоанализу на основе недавно опубликованной работы Рашель Розенблюм «Умереть от письма?» (*Mourir d'écrire?*, 2019) и ее ранее опубликованной статьи «Можно ли умереть от слова?» (*Peut-on mourir de dire?*, 2000). Жизненно важный риск, который не может не волновать любого психоаналитика.

Восхваляя влечение к смерти и повторение

С ними метапсихология обретает возможность осознать процесс дезинвестирования, что необходимо для смены объекта сублимации – в 1915 году это было неразрешимой загадкой, – и, главное, открывает дорогу к горю. С влечением к смерти все психическое функционирование получает свободу изменения инвестирования, а аффективная жизнь – свободу снова любить. Вводя понятие «антинарциссизм», Франсис Паш (1965) описывает способность инвестировать объект, любить при обязательном сопутствующем дезинвестировании Я.

Что касается навязчивого повторения, вспомним также вначале о его положительном аспекте, прежде чем рассмотрим угрозы, которые он несет. Этот инстинкт инстинкта (*Pasche*, 1956, р. 86–87) закладывает более биологическую основу влечений, а также является основой, вводящей ритм и темпоральность. Эта темпоральность – еще не распавшееся время психики (Грин), но, напротив, физическое время, которое, как я предположил, может быть энергией, которой Оно наделяет влечение к смерти, психологизируя энтропию (*Ribas*, 1989). Таким образом, мы наблюдаем аутистические стереотипы, патологическая природа и отчуждающий характер которых очевидны. Но ничто не говорит нам о том, что в таком

наброске круговой внутренней темпоральности, которая для Дональда Мельтцера (1975) сопутствует двухмерному пространству, это повторение субъективно будет восприниматься как таковое. Возможно, напротив, оно обеспечивает аутичному ребенку некую первичную непрерывность бытия и психического выживания, которая порождается сама собой и через сенсорно-моторное вмешательство осуществляет либидинальное со-возбуждение, обеспечивающее базовое связывание влечений. Когда мускулатура руки, проходящей перед глазами, одновременно стимулирует проприоцептивность лучезапястных суставов и клетки сетчатки, возникает полимодальная сенсомоторная артикуляция, которая поддерживает некий психический набросок. Однако, по мнению Жерара Швека (1993), это повторение также может быть наделено функцией самоуспокоения. В стремлении к спокойствию мы обнаруживаем стремление к смерти, а стремление «добровольных галерщиков» к выработке эндорфинов перекликается с нейрофизиологическими наблюдениями.

Но аутисты не единственные, кому повторение помогает обеспечить непрерывность бытия. На это указывают и ребенок, поправляющий нас, когда история, которую мы рассказываем ему вечером, немного отклоняется от текста, и наше удовольствие от повторного прослушивания любимой музыки, и очарование, которое мы испытываем, когда снова оказываемся в определенных местах, и ностальгия умеренного невротика. Я даже слышал, что некоторые терапевты укладывают пациентов в строго установленное время три раза в неделю на протяжении нескольких лет, придерживаясь незыблемого протокола... чтобы те изменились! И действительно, мы можем рассчитывать на то, что благодаря навязчивому повторению в переносе вновь проявятся прошлые инвестиции и перипетии ранних объектных отношений. И этому способствует нейтральность кадра и аналитика, дающая им пространство и время для того, чтобы развернуться, и обеспечивающая надежность метода, с тем чтобы именно внутренняя конфликтность пациента могла проявиться, спроецироваться на аналитика и воплотиться. Напротив, навязчивая ритуализация нашего личного или институционального расписания является менее приятным проявлением и также может быть одним из факторов склероза, усугубляющегося с возрастом. Психоанализ не миновала угроза защитного спокойствия рутины, мешающая появлению чего-то нового.

Повторение, однако, выявляет то, что ускользает от нас в жизни, и, хотя раскрытие бессознательного уже не столь модно, сегодня мы можем с уверенностью утверждать, что одно из главных показаний к психоанализу – освободить субъект от мешающих ему повторений. После третьего развода пациент хорошо это понимает... Однако в 1920 году психоанализ также обнаруживает и новые препятствия на пути своей спасительной работы освобождения...

Повторение травмы, отрицание, расщепление, бессознательное чувство вины

Приводя в пример случай Доры, с тем чтобы убедить нас, что освобождение через анализ может быть в лучшем случае «условным», Лоранс Кан (2017) напоминает, что первые шаги анализа в этой сфере не были триумфальными, и к этому мы могли бы добавить человека с волками, который всю свою жизнь оставался зависимым от своего «невроза» и своих психоаналитиков. Травматический невроз, похоронным колоколом звонящий по влеченческому здоровью сновидения, тем самым создает предпосылки для провала всех терапевтических попыток по причине повторения. Об этом свидетельствует негативная терапевтическая реакция. Конечно, мы многому научились, в частности тому, что в качестве приоритета здесь необходимо определить совладание с вызванной катастрофой, с тем чтобы никогда больше, доверившись, не быть захваченным врасплох и не оказаться полностью пассивированным таким вторжением, даже если это означает постоянную настороженность. Аналитики научились разоблачать идентификацию с агрессором в переносе, уже описанную Фрейдом как нормальный механизм и, безусловно, безнравственный и эффективный выход для спонтанного высвобождения травмы. Но здесь мы имеем в виду случаи, когда в анализе возникает путаница языков (*Ferenczi, 1933*) и перенос через обращение (*Roussillon, 1999, p. 14*).

Бессознательное чувство вины становится нашим противником, неуловимым по определению, потому что оно бессознательно. Но давайте не будем забывать о двух достижениях 1924 года: первое, клиническое заключается в том, что, в то время как бессознательное чувство вины остается таковым по определению, потребность в наказании таковой не является. Вспоминается, как один мужчина удивился, почувствовав что-то похожее на счастье, когда обнаружил на лобовом стекле штраф: за несколько месяцев до этого он потерял отца...

Второе – теоретическая гипотеза: природа морального мазохизма, с которым мы так часто сталкиваемся, на самом деле является природой эрогенного мазохизма. Этот подлинно психоаналитический процесс, требующий от аналитика способности выносить многочисленные упреки в несправедливости, жертвой которой себя чувствует пациент, не давая ему при этом взамен никакого мазохистского удовлетворения, позволяет, где это возможно, достичь подлинного освобождения от того, что казалось навязанным исключительно судьбой и что, согласно интерпретации Фрейда, в конечном счете скрывает в себе родительские имаго. Здесь мы имеем дело с рядом определенных организаций характера. Последнее ценное замечание касается экономической проблемы мазохизма: удовлетворение, найденное в мазохизме Я, свергает и ресексуализирует Сверх-Я в инцестуозном ключе. Если некая высшая сила доставляет мне наслаждение, это уже не высшая сила.

Расщепление

Именно оно создает серьезную проблему на пути терапевтических амбиций. Подобно тому как архитекторы называют «нарушением целостности» разрыв непрерывности материалов, расщепление, как подчеркивает Андре Грин, устанавливая разделение – влечение к смерти – между расщепленными частями Я, также определяет тип отношений между ними. Разрыв может существовать только в некоей целостности. Но когда вытеснение возникает в результате контринвестирования, когда вытесненное подпитывает новые точки притяжения в процессе, породившем вытеснение, оно, таким образом, остается доступным для аналитической работы через *via dilevare* («путем убиения лишнего»).

Современные пациенты менее подвержены неврозам в результате общественных изменений в условиях образования – изменений, в которых психоанализ, возможно, сыграл свою роль... К сожалению, нельзя с уверенностью утверждать, что они стали свободнее, иногда они менее уверены в своей идентичности, иногда подвержены депрессии или пограничным состояниям. В таких случаях аналитик будет стремиться содействовать созданию психической конструкции, опирающейся в качестве идентификации на аналитическое Сверх-Я аналитика и возможной благодаря надежности его инвестирования без каких-либо ответных действий. Работа аналитика развивается в направлении нового вызова: вместо того чтобы смягчать и уменьшать слишком жестокое Сверх-Я, как мы можем поспособствовать его функциональному появлению?

Происходящие при этом расщепление и отрицание породят одну относительно недооцененную жертву – самоанализ (*Ribas, 2020*). Все аналитики не прочь видеть сны, и сновидения о пациенте больше не являются, как это было в прошлом, признаком недостаточного мастерства, который должен был заставить аналитика немедленно пересмотреть какую-то часть анализа! Напротив, это скорее признак хорошего психического здоровья с точки зрения возможности доступа к контрпереносу, основа которого является бессознательной. Все аналитики интерпретируют через инсайты, полученные благодаря истерической идентификации со своими пациентами, и, конечно, внимательны к ответным зеркальным эффектам, проливающим свет на них самих. Но никто уже не может быть уверен, что не использует отрицание, чтобы сохранить определенное равновесие или удержать психическую угрозу на расстоянии. И когда аналитик не справляется и может сказать себе и другим: «С пациентами все в порядке», в каких случаях он сохраняет способность объектно инвестировать свою работу, немного забывая о себе ради их блага, а в каких, напротив, он меняет направление аналитического поля, прося своих пациентов поддержать его и помочь ему игнорировать этот факт? В силу эдипальных, скрыто инцестуозных причин пациенты часто соглашаются. Иногда именно сновидение открывает пациенту несостоятельность аналитика. Та же проблема возникает по мере старения аналитика... (*Ribas, 2007*).

Таким образом, самоанализ расщепления невозможен. Изменения возможны только в отношениях с объектом, часто потому, что на первом этапе расщепление у аналитика может затянуться, и осознает он это уже в апреку. Это наполняет новым смыслом интерес, который может представлять аналитическая работа частями, особенно с разными аналитиками, с тем чтобы уменьшить эффект сговора и передачи слепых пятен, описанных Луиз де Уртубей (1994).

Связывание через мазохизм

Здесь важно прояснить одно недопонимание. Связывание влечений, являющееся хранителем жизни (*Rosenberg, 1991*), главным образом может достигаться через двувлеченческое инвестирование объекта и мазохизм, объектный садомазохизм или, во внутренней плоскости, эрогенный мазохизм.

Таким образом, нетрудно понять, что инвестирование своего психоаналитика сразу дает пациенту первую составляющую, поскольку, как говорил Жан Фавро, подбадривая пациентов, «анализ – это долго, дорого и трудно».

Этот мазохизм может быть необходим, и Дениз Брауншвейг (1971) подчеркивала его необходимость для осмысления реальности и совладания с ней в анализе.

Когда пациенты оказываются втянутыми в садомазохистские отношения или устанавливают их, мы видим, насколько они прочны и как трудно им освободиться от этих железных уз. Как мы можем утверждать, что психический прогресс и свобода находятся на стороне связывания влечений, а значит, и мазохизма, если он ведет к рабству, тем более если он затрагивает эрогенный уровень? Направлен ли тогда анализ на отчуждение в перверсии?

Нет, прежде всего, потому, что выявление потребности человека в отчуждении позволяет не удовлетворять эту потребность, не осознавая этого. Кроме того, слово «субъект», которое для многих аналитиков представляет собой идеал будущего пациента, является результатом перевертывания смысла выражения «подданный короля» (по фр. *sujet du roi* – дословно «субъект короля». – *Прим. пер.*), подчиненный, над которым король имел абсолютную власть жизни и смерти. И именно через освобождение, революцию... этот термин станет, напротив, критерием личной свободы. Заметим, что эта эволюция отчасти воспроизводит путь, ведущий от первоначального примитивного обладания архаическим материнским имаго к введению третьего и Эдипа для одних, к сепарации и депрессивной позиции для других.

Но прежде всего нет потому, что объектный садомазохизм сам подлежит анализу в его защитной позиции отрицания инаковости. Конечно, страдающая истерией и депрессией женщина будет полностью принимать своего первертного партнера, но при одном условии: она должна быть единственной, кто это делает, и она должна быть для него совершенно незаменимой. А значит, обладать им в той же степени, что и он ею. Мазохист

приковывает себя к любовнице на том же условии исключительности. И даже если ненависть усиливает любовь, защищая от безразличия, и даже если она более цепка, ничто не защитит от того, что раз другой человек является другим, он может передумать, умереть или уйти.

Какие существуют противопоказания для разговорной терапии, учитывая, что можно «умереть от слова», как напоминает нам Рашель Розенблюм (2000, 2019)?

Крупные травмы, о тяжести которых, в том числе и для последующих поколений, нам поведал холокост, по-прежнему происходят. Это еще раз показали недавние теракты в Париже, по всему миру продолжают вспыхивать войны, иногда сопровождающиеся геноцидом.

Недавняя публикация книги Рашель Розенблюм, ставшая продолжением ее статьи 2000 года и распространяющая затронутую в ней проблематику на самоубийства писателей, ставших свидетелями холокоста, убедительно демонстрирует важность вопросов жизни и смерти в выживании после тяжелых травм и поднимает вопрос об ответственности аналитика, если тот предлагает классический психоанализ, лежа на кушетке, или даже соглашается слушать пациента лицом к лицу. С одной стороны, какое право мы имеем лишать пациента, который просит нас его выслушать, его воли не только выжить, но и жить дальше? С другой стороны, осознание того, что анализ может ослабить и разрушить защитные механизмы расщепления, подвергая риску психическое или физическое здоровье пациента или даже его жизнь, представляет собой настоящую этическую проблему. Работа Рашель Розенблюм способна поставить под сомнение винникоттовское убеждение применительно к ранней травме о том, что «страх распада», который способен разрушить строящееся Я, необоснован в случае взрослого Я¹.

Я отметил, что психосоматики показали нам опасность укладывания на кушетку пациента, находящегося в процессе дезорганизации. Иногда они это делали довольно жестко, как, например, Пьер Марти, спросивший меня: «Вы хотите ее убить?» (Ribas, 2018) в отношении близкого человека, которого я в юности направил к нему на анализ! Парадокс предупреждений наших коллег заключался в том, что нужно быть психосоматиком, чтобы понять, когда можно быть просто психоаналитиком. К счастью, они научили нас определять признаки нарушения психического функционирования: оператуарное мышление, недостаточная толщина предсознательного или исчезновение тревоги при эссенциальной депрессии.

¹ Я хотел бы поблагодарить Рашель Розенблюм за то, что она приняла мое приглашение и приняла участие в моем семинаре, ответив на вопросы по своей работе.

Что должно нас насторожить в случае пациентов, переживших тяжелую травму?

Прежде всего, давайте подумаем, какой подход представляется подходящим для работы с травмированными людьми. Предоставить пациенту, обычно наблюдаемому на более позднем этапе после травматического события, свободу говорить – что сложнее для окружающих – или не говорить – в отличие от активных техник, направленных на абреакцию. Ограничить выражение аффектов фиксированным временем сеансов с установленной повторяемостью. Таким образом способствовать работе с малыми количествами, которую я сравнил с локализатором взрыва, который используют саперы, подрывая заряд внутри него, с той разницей, что обращение к кадру все равно возлагает функцию контейнирования на психику аналитика.

Наша задача остается: как аналитическая работа может вернуть из изоляции, восстановить вытесненное так, чтобы мнестические следы не привели к немедленному замыканию психической работы, как в случае, когда травматические образы автоматически возникают в течение дня или кошмары повторяются каждую ночь? Мне кажется, что связывание влечений, достигаемое благодаря инвестированию аналитиком того, что переживает пациент, и его экономической поддержке – которая неизбежно задействует садизм и опирается на мазохизм – будет способствовать восстановлению психического пространства. Ева Вейл отмечает важнейшую роль инвестирования аналитика, называя его страстным инвестированием (2020).

Я предлагаю вслед за Рашель Розенблюм обратиться к работе Сидни Стюарта 1991 года «Травма и психическая реальность»². Стюарт отличался тем, что прошел через японский концлагерь во времена Второй мировой войны. В статье представлены три случая, Рашель Розенблюм берет первые два из них: случай доктора Эстер увенчался полным успехом, а случай Карла закончился психотической катастрофой.

Доктор Эстер

Доктор Эстер, известный исследователь, очень хотела пройти анализ именно с ним, с удовольствием узнав, «что во Франции есть психоаналитик, который не является ни французом, ни евреем и при этом является одним из немногих выживших в концлагере». Сама будучи депортированной и единственной выжившей в своей семье, едва не погибшей из-за того, что была еврейкой и атеисткой, она уточняет: «...Я думаю, что буду более свободна в этом предприятии с кем-то, кто не является евреем. Я также хочу, чтобы этот человек был двуязычным, потому что мне нравится переходить на английский и иногда использовать английские слова».

² Я хорошо запомнил этот удивительный по своей искренности текст, опубликованный в первом номере Французского журнала психоанализа (*Revue française de psychanalyse*), в котором я вместе с Жаном Бегуаном выступал в качестве соредатора: боль и психические страдания.

«Не французский» может указывать как на отдаление от семьи, так и на невинность соучастия в истреблении.

Она приходит, потому что неумолимо теряет память, она завалена маленькими блокнотами, при помощи которых она борется за то, чтобы не потерять то, что знает. Является ли этот яркий симптом, порождающий тревогу – признак жизни, – дезорганизацией или контринвестицией, расширение которой становится калечащим? Чрезмерная защита – одно из самых классических показаний к анализу.

Первые два года анализа показали, что у нее сохранились точные воспоминания об убийстве отца и дороге депортации вместе с матерью и сестрой, от ужаса и жестокости которых не удалось скрыться. Но что-то ускользает. Пациентка впадает в депрессию и не может больше работать, а вскоре «...убеждается, что ее выбор аналитика был катастрофически ужасным, худшим из всех, что она могла сделать». «Ее аналитик сам впал в депрессию и был склонен согласиться с ней в этом вопросе», – комментирует Стюарт.

В какой-то момент сновидение вернуло Стюарта к пережитому в лагере опыту: он стал безучастным свидетелем того, как его друг украл у умирающего драгоценную порцию еды – несколько зерен риса, кишаче-го личинками. Он помнит и стыд, и зависть, которую он испытывал по отношению к этой добавке еды, которую друг получил, вырвав из пальцев умирающего жестяную банку, а он наблюдал за этим.

После долгих колебаний Стюарт решил поделиться этими воспоминаниями со своей пациенткой: «Подобное отыгрывание всегда несет в себе некие элементы желания соблазнить пациента и может принести больше вреда, чем пользы. Тем не менее мой рассказ вызвал у Эстер взрыв воспоминаний, которые она до этого отчаянно пыталась заглушить. Ее страх перед воспоминаниями разрушал ее память». (1991, р. 961). Эта интервенция имела решающий эффект: пациентка «...смогла вспомнить, что она незаметно ускользнула со своего места в движущейся очереди, позволив сестре занять ее место, в результате чего сестра и мать бок о бок пошли к газовой камере, оставив ее позади живой. Это воспоминание наконец прорвало плотину и позволило вылиться всему, что она пыталась вытеснить» (р. 961–962). Работа, ставшая таким образом дозволенной, в основном была сосредоточена на горе, которое наконец стало возможным, и на ее упорном стремлении вернуться к своему детству. Автор поясняет, что «медленное восстановление внутри аналитического кадра вкупе с отношениями переноса/контрпереноса помогло ей реинтегрировать некоторые диссоциированные и измененные представления о самой себе» (р. 962).

Если плотину прорвало, то личность устояла и смогла восстановить себя – или построить – в аналитических отношениях.

Рашель Розенблюм подчеркивает, какую роль в этом успехе сыграло ференцианское измерение взаимного анализа и экономики обмена. Свидетельство коллеги, который присутствовал на конференции, которую Стюарт как-то проводил в провинции и которая была посвящена этой работе, подтверждает это. Рассказав о краже еды, он вынужден был

замолчать, переполненный эмоциями. Затем он добавил: «Это я украл еду».

Отметив неспособность Я поддерживать вытеснение перед лицом травмы и обращение к другим средствам защиты, которые раскрывают травму в форме повторения/компульсивного расстройств, автор переходит к случаю Карла.

Карл

«Карл – это тот, кого я никогда не должен был брать в анализ», – говорит нам Стюарт, который тем не менее не обнаружил никаких психотических следов во время первичных интервью и в начале анализа этого красивого, хорошо интегрированного молодого американца, который изменил свое имя и о чьем еврейском происхождении из Центральной Европы никто не подозревал. Он женился на своем идеале женщины – высокой, антисемитски настроенной немке. Она знает, что он был депортирован, но считает, что это произошло из-за политических взглядов его родителей. Освобожденный из лагерей в возрасте 15 лет, он последовал за своими освободителями в США, вступил в армию и стал американским гражданином.

Жена садистически мучила его, рассказывая о прошлых изменах, но это также возбуждало его. Она называла его «мой маленький еврейский мальчик», чтобы унижить его из-за обрезания, – он думал, что она уйдет от него, если узнает, что он действительно еврей. В результате появились приступы импотенции, а также страх оказаться гомосексуалистом.

Пациент сообщил об аллергии на рыбу: у него опухали губы и периодически возникала рвота. После пяти месяцев терапии появились жестокие кошмары об эпизодах в концлагере. После одного сновидения, в котором на него напала огромная рыба, пациент проснулся с распухшими губами, и аналитик, упрекая себя в этом в момент написания статьи, решил попытаться выяснить, что означает рыба в связи с аллергией³.

После некоторого молчания пациент начинает рыдать и возвращается к травматической сцене. Ему было 10 лет, он играл с карпом, которого мать держала живым в ванне, собираясь приготовить его на праздник, когда в квартиру ворвались нацисты. «Карл вспомнил крики матери, когда сам он вбежал в гостиную. Комната была залита кровью. Солдаты только что закололи штыком его отца и избивали мать. Его забрали солдаты, и он больше никогда не видел свою мать и сестру» (1991, р. 965).

В конце сеанса пациент кричал и бил кулаками по стенам, и его пришлось госпитализировать. Затем у него развился параноидальный бред. Его репатриировали в Соединенные Штаты, где он прошел долгий и болезненный курс восстановления и длительную госпитализацию. Стюарт пишет: «...быстрое воскрешение в памяти Карлом воспоминаний,

³ Являясь спутником жизни Джойс Макдугалл, Сидни Стюарт, возможно, как и она, занимал позицию, отличную от позиции Парижской школы, в отношении психосоматического симптома.

которые маленький мальчик в нем не мог вынести иначе, кроме как полностью эвакуировав из своей психики весь этот чрезвычайно травматичный опыт: единственным немедленным "решением»" в его противостоянии с этими воспоминаниями, похоже, было создание бредовой системы» (р. 966).

Обсуждение

Прежде всего, воспользовавшись искренностью автора, мы можем отметить радикальное расщепление Карла с его прошлым, детством и травмами. Поначалу кажется, что все следы устранены: имя, акцент, национальность и история службы в армии (ценой лжи о его юном возрасте, также внутренне отрицаемой) – все это превратило пациента в подлинного американского героя. В наших поисках критериев опасности аналитического лечения здесь мы имеем дело с очень четким таким критерием: такое полное расщепление может привести только к взрывному пересмотру, потому что он тотален.

Однако некоторые элементы отделены менее радикально, показывая, как мы отмечали ранее, что расщепление также является нарушением непрерывности целостности. Выбор антисемитской арийки неоднозначен: перешел ли он полностью на сторону врага, став немцем по доверенности, что является радикальным предательством и отождествлением с агрессором? Или, напротив, он взял реванш, соблазнив немку в качестве победителя? В обоих случаях прослеживается связь с травмой прошлого. Еще один элемент – сексуальное использование расщепления в его эротическом мазохизме с этой женщиной, которая унижает его, как маленького еврейского мальчика. Сексуальная связь, связывающий мазохизм, сопровождающийся фантазией об измене жены, которая вызывает в памяти первосцену. Прошое не исчезло полностью и связано эротически, но следует подчеркнуть, что это происходит в логике перверсии, что означает еще одно обращение к расщеплению. Однако все это остается в области фантазма, а не агирования. Парадоксально, но именно в реальности – если верить пациенту – и в отношении к объекту разрыв с его прошлым должен быть полным: его жена никогда не должна узнать, что он еврей. Наконец, встает вопрос еще на одном уровне: аллергия на рыбу устанавливает психосоматическую связь с карпом. Ценой дementализации, которая откроет путь к психозу? Или, напротив, через симптом, который не является «глупым», как называют его психосоматики, но который вбирает в себя и инкапсулирует травму? Даже в случае Карла существовала психическая организация, связывающая расщепленное с субъектом несколькими способами. Как с помощью процессов, считающихся надежными – перверсии, мазохизма, так и с помощью более двусмысленной психосоматической связи – аллергии. Поэтому мы должны помнить, что, несмотря на эти связи с расщепленным, полное сознательное устранение прошлого должно являться противопоказанием к классическому лечению.

Рашель Розенблюм предполагает, что случай Карла демонстрирует несостоятельность модели Ференци: травма удваивается, а реальность отвергается. На первое место выходит кошмар, «гнетущее присутствие призрака, с этимологической точки зрения». Защитная тревога сменяется ужасом. Возвращаясь к толкованию сновидений (*Traumdeutung*), согласно которому в кошмаре «как правило, представлены наиболее сильно подавленные желания», нападение рыбы сталкивает Карла «с различными формами мести, которые мог вообразить брошенный ребенок (отцеубийство, убийство матери), и с мстью, которой он боится от тех, кого в свою очередь предал, отрекшись от своей личности и идентифицируя себя с особенно жестоким агрессором в ходе своих первертных игр» (2019, р. 71). Однако кажется, что позиция Карла была скорее мазохистской: вторичный мазохизм, недостаточно защищающий или несущий смертоносный аспект? Если так, то указаний на это не хватает.

Противопоказания к анализу

Один из случаев демонстрирует плодотворность ференцианской модели, другой – ее опасность. Как это часто бывает в психоанализе, решающим фактором оказывается экономическая интенсивность. Рашель Розенблюм также напоминает нам о предостережении Грина о том, что многочисленные травмы могут вступить в резонанс, если затронуть одну из них.

В заключение, и со всей скромностью, которой требуют от нас сложность клиники и уникальность индивидуальных судеб, мне кажется, что мы можем предварительно предложить четыре элемента, которые требуют осторожности в предписании аналитической терапии:

- прежде всего, интенсивность и степень расщепления, как в случае Карла, несмотря на все нюансы, которые нам удалось выявить. Вся его актуальная жизнь – жизнь американского героя-победителя – находилась на расщепленной стороне. В то время как доктор Эстер повесила над дверным звонком своей квартиры маленькую медную пластинку с выгравированным номером депортированного, который она также хранила на своей коже и показывала своему психоаналитику;

- отсутствие защитных механизмов контринвестирования или вытеснения, а также интенсивность и частота ночных кошмаров;

- отсутствие тревоги или ее диффузный характер, как в случае Карла, свидетельствующий о том, что Я было перегружено и оказалось не способно сдерживать предрасщепление (*Rosenberg, 1997*) сигнальной тревоги, или, напротив, массивная травматическая тревога, которая сама по себе была бы противопоказанием;

- из личного опыта, основанного на обнаружении тяжелых травм во время анализа, я бы добавил видимое исчезновение ненависти, сопровождаемое здравомыслящей человечностью и «добродушной» способностью к депрессии перед лицом разочарования – все вместе это обычно вызывает восхищение. В то время как доктор Эстер не хочет разговаривать с французами, Карл любит свою антисемитскую жену-немку и

боится потерять все, если его истинное расщепленное Я станет ей известно, при этом его декомпенсация имеет параноидальные аспекты.

Опыт показал мне, что расщепленная ненависть все же может быть реинтегрирована в негативный перенос, так чтобы психоанализ и два его главных протагониста при этом выжили.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Braunschweig D.* (1971). *Psychanalyse et réalité*. Rev Fr Psychanal 35(5-6): 655–800.
2. *Ferenczi S.* (1933/1982). *Confusion de langue entre les adultes et l'enfant: le langage de la tendresse et de la passion*. *Psychanalyse* 4: 125–138. Payot.
3. *Freud S.* (1915c/1988). *Pulsions et destins de pulsion*. OCF.P, XIII: 163–185. Paris, Puf.
4. *Freud S.* (1920g/1996). *Au-delà du principe de plaisir*. OCF.P, XV: 273–338. Paris, Puf.
5. *Freud S.* (1924c/1992). *Le problème économique du masochisme*. OCF.P, XVII: 9–23. Paris, Puf.
6. *Freud S.* (1940e [1938]/2010). *Le clivage du Moi dans le processus de défense*. OCF.P, XX: 219–224. Paris, Puf.
7. *Kahn L.* (2016). *Libération conditionnelle. La liberté en psychanalyse*. Paris, Puf.
8. *Meltzer D. et coll.* (1975/1980). *Explorations dans le monde de l'autisme*. Traduit par G. Haag, M. Haag, L. Iselin, A. Maufras du Chatellier, et G. Nagler. Paris, Payot.
9. *Pasche F.* (1956/1969). *Autour de quelques propositions freudiennes contestées. À partir de Freud: 79–94*. Paris Payot.
10. *Pasche F.* (1965/1969). *L'anti-narcissisme. À partir de Freud: 227–242*. Paris, Payot.
11. *Ribas D.* (1989/2017). *Pulsion de mort et temps*. Rev Fr Psychanal 53(2): 669–680. Repris dans: *Les déliaisons dangereuses: 61–66*. Paris, Puf.
12. *Ribas D.* (2007). *Quelle éthique pour l'analyste malade ?* Rev Fr Psychanal 71(4):1101–1109.
13. *Ribas D.* (2018). *Vous voulez la tuer?* Rev Fr Psychosom 54: 85–94.
14. *Ribas D.* (2020). *Enjeux actuels de la terminaison d'une cure analytique. De l'objet palliatif aux limites de l'autoanalyse*. Rev Fr Psychanal 94(3): 653–664.
15. *Rosenberg B.* (1991). *Masochisme mortifère et masochisme gardien de la vie*. Paris, Puf. Monographie de la Revue française de psychanalyse.
16. *Rosenberg B.* (1997/2014). *Le moi et son angoisse: entre pulsion de vie et pulsion de mort*. Paris, In Press.
17. *Rosenblum R.* (2000/2019). *Peut-on mourir de dire?: Sarah Kofman, Primo Levi*. Rev Fr Psychanal 64(1): 113–137. Repris dans *Peut-on mourir d'écrire? Shoah, traumas extrêmes et psychanalyse des survivants*. Paris, Puf.
18. *Rosenblum R.* (2019). *Peut-on mourir d'écrire? Shoah, traumas extrêmes et psychanalyse des survivants*. Paris, Puf.
19. *Roussillon R.* (1999). *Agonies, clivages et symbolisation*. Paris, Puf.

20. *Spielrein S.* (1912/1981). La destruction comme cause du devenir. Traduit par P. Rusch dans Sabina Spielrein, entre Freud et Jung. Paris, Aubier.
21. *Stewart S.* (1991/2009). Trauma et réalité psychique. Rev Fr Psychanal 55(4). Repris dans Mémoire de l'inhumain: du trauma à la créativité. Paris, Campagne Première.
22. *Szwec G.* (1993). Les procédés autocalmants par la recherche de l'excitation. Les galériens volontaires. Rev Fr Psychosom 4.
23. *Urtubey L. de* (1994). Le travail de contre-transfert. Rev Fr Psychanal. 58 (spécial congrès): 1271–1372.
24. *Weil E.* (2020). Lieux du traumatique, le génocide: le nouage collectif-individuel. Bulletin de la Société psychanalytique de Paris 1.
25. *Winnicott D. W.* (1975/2000). La crainte de l'effondrement. Nouvelle Revue de psychanalyse. Figures du vide. Gallimard. Repris dans La crainte de l'effondrement et autres situations cliniques. Paris, Gallimard.

Face au traumatisme, répétition, clivage et contre-indications de la cure type

Denys Ribas

Per. from French K. A. Barke, N. A. Krasavin

Denis Ribas, psychiatrist and psychoanalyst, titular member of the Paris Psychoanalytic Society, ex-president of the Paris Psychoanalytic Society.

Trauma led to the construction of the second topography of the drive theory that accompanied it, introducing the drive dualism between life drives and death drives. The death drive participates successfully in the cathexis of the object, thanks to anti-narcissism, to the change of the object of sublimation, and to mourning. Likewise, the compulsion to repeat gives a temporal basis to the mind, a primitive continuity of being to autistic stereotypy, and ensures the authenticity of the transference in classical analysis. The recourse to masochism, a factor that nonetheless favours fusion, is discussed. The repetition of the trauma, the unconscious sense of guilt and, above all, splitting, also become daunting impediments to the efficacy of psychoanalysis. Drawing on the work of Rachel Rosenblum on the vital danger of speaking about or writing about trauma, two clinical cases of Sydney Stewart are taken up in order to identify the factors that would counterindicate a classical analysis.

Keywords: trauma, death drive, compulsion to repeat, splitting, contraindications to psychoanalysis, catastrophe.